ПОЧЕМУ ПЛОХО СТРОЯТ В КОРЕНЕВО

Значительная часть сел и деревень Кореневского района во время боев 1943 года прилегала к прифронтовой полосе. Такие села и деревни, как Пушкарное, Дубрава, Снагость, Краснооктябрьское, Апанасовка, Топлино, Троицкое были почти целиком сожжены и уничтожены.

Со дня освобождения района прошло уже почти три года. Много появилось новых хат в Пушкарном, Топлино, Апанасовке, Дубраве. Но как проходило это строительство? Кто им руководил? Какие это постройки? Скажем прямо: строительством в Коренево руководят плохо.

Прошла зима, наступает строительный сезон. Как же к нему готовятся в Коренево, как помогают строиться тем, кто лишился жилья? Приведем факты. Начальник районного отдела колхозного строительства Проценко с первых дней своей «деятельности» начал проявлять заботу о тех, кто этого не заслуживает. Он выписывает и доставляет на автомашине лес известным в Коренево «дельцам» Горошко, Пономареву, имеющим и без того прекрасные дома, обеспечивает лесом Мартыненко Марка, Ступакова Дмитрия, Колбасина Стефана, Суторлина Федора, проживающих в Любимовке и имеющих также дома и надворные постройки.

По данным самих районных организаций, этот Проценко выписал и обеспечил перевозку на государственных автомашинах и горючем лес 25 таким семьям. Зато трудов стоит «бездомной» колхознице, потерявшей мужа или сыновей на фронте, выписать и перевезти лес.

В селе Любимовка проживает Пелагея Ефимовна Безуглова, мать четырех фронтовиков. В 1941 году она эвакуировалась с мужем в тыл страны. Муж вскоре добровольно ушел в Красную Армию. И вот уже второй год Пелагея Ефимовна обивает пороги районных организаций, просит помочь построить ей хату. Но просьбы остались просьбами. В Гордеевском сельсовете проживает Прасковья Ивановна Недошивкина. Ее пять сыновей защищали Родину, на фронте был и муж. Три сына и их отец погибли. Недошивкина живет в полуразрушенном блиндаже. Честно трудится она в колхозе, активная общественница. Не раз она была у председателя райисполкома т. Пересыпкина. Но Недошивкиной райисполком не помог. Она продолжает жить в блиндаже.

Характерно отметить, что в настоящее время в самом райцентре развернулась бойкая торговля «припасенным» лесом. Лесом спекулируют в Булгановке, на Повеньком, на Красноармейской. Даже установилась твердая такса: 5 тысяч—лес на сруб с сенцами, 3 тысячи—лес ольха на сарай и верх.

Увертливые дельцы набивают себе карманы, а в землянках продолжают ютиться еще 400 семей.

Обо всем этом хорошо осведомлены райком партии, райисполком. Знают они и о том, что со дня организации отдела по строительству силами бригад построено в районе всего 5 хат. Знают, что сельское и колхозное строительство развертывается плохо, но мер никаких не предпринимают.

В течение уже трех лет, кстати сказать, райком никак не может отремонтировать даже собственное здание.

С. БЕЛОУСОВ,
редактор кореневской райгазеты.

Концертная бригада студентов Курского музыкального училища готовится к обслуживанию весенней посевной кампании. На снимке: концертмейстер училища Клавдия Шаповаленко и студент Юрий Сидоренко на репетиции. Фото О. Сизова.

„ЗАПОРОЖЕЦ ЗА ДУНАЕМ" В РАКИТНОМ

(О новой постановке районного любительского театра).

... Белая украинская хата. Плетень. Подсолнечники. Вдали—берег Дуная, камыш. Звучат девичьи голоса.

Из-за плетня выходит Оксана. Она грустит по своему милому—Андрею, который томится в плену у турков. Грусть в ее песне:

Месяцю ясный,
Зорьки прекрасни,
Божии очи,
Вы в темний ночи...

В клубном зале завода «Коллективист» собрались участники областного совещания хозяйственного актива свеклосовхозов — директоры, агрономы, зоотехники, бригадиры, звеньевые — и внимательно слушают, а на сцене, одна за другой, сменяются картины известной украинской оперы Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». В роли Карася—бухгалтер Марк Яковлевич Жажский, — его жены Одарки — картотетчица Вера Ивановна Чернышева, — их приемную дочь Оксану играет массовик завкома Александра Федоровна Васильченко, Андрея, возлюбленного Оксаны, — учетчик автоколонны Николай Путивцев. В роли турецкого султана — начальник пожарной охраны Григорий Степанович Абрамов. В числе исполнителей кассир т. Волков (Селих-ага), рабочий завода т. Осьмаков (Ман), слесари т. Негребов, т. Вакуленко и печник тов. Мартыненко. Ученицы Ракитянской школы исполняют балетные танцы и пляски, учительница Клавдия Петровна Чистилина аккомпанирует на пианино.

Коллективу любителей (художественный руководитель Иван Сергеевич Волков) удалось поставить оперу с подлинным театральным мастерством. Зрители тепло встретили этот удачный спектакль.

Постановка оперы была дважды повторена. На третьем вечере кружковцы дали концерт. В его программе—хоровая песня о Сталине, жанровые песни, дуэты и арии из оперы «Наталка-Полтавка», художественное чтение.

Летом прошлого года мы слушали концерт ракитянцев в клубе Ленинского сахарного комбината. Тогда кружковцами исполнялись лишь отдельные арии «Запорожца».

— Потом, — рассказывает Волков, — когда в коллективе подобрались хорошие голоса, мы решили серьезно работать над постановкой всей оперы. Репетировали в клубе и на квартирах. Долгое время исполнители сживались, вникали в текст и музыку оперы. Было нелегко, но мы не оставляли работы, а теперь всюду встречаем горячее одобрение. Опера сначала была поставлена на сцене Ракитянского сахарного комбината, а затем в клубах заводов «Коммунар» и «Коллективист».

Работа кружковцев заслуживает горячего одобрения. Зрители прощают театру и некоторые неровности в игре, и недостатки в костюмах, и музыкальном оформлении спектакля. Опера исполняется под пианино, мандолину и гармонь.

Мы беседовали с Жажским, Васильченко, Чернышевой и многими другими. Работа в кружке, конечно, отнимает у них немало времени и сил. Но чувство удовлетворения и сознание, что их художественная самодеятельность занимает большое место в культурной жизни района — приносит им всем большую творческую радость. Ракитянцы не думают ограничиться имеющимся репертуаром, хотят создавать новое, добиваться настоящего мастерства в исполнении. У молодого любительского театра есть чему поучиться многим кружкам художественной самодеятельности. Их работа заслуживает внимания и существенной помощи.

Ф. ШАМЕТЬКО.

В долгу перед государством

(От нашего собкорра)

Старооскольскому кирпичному заводу исполком областного совета утвердил план производства на 1946 год—500 тысяч штук кирпича-сырца и 400 тыс. штук кирпича обжига. Но, как уверяет директор тов. Доровских, завод имеет возможность выпустить кирпича в два—три раза больше.

Как же он готовится к сезону? Для того, чтобы выполнить план и дать доброкачественный кирпич, необходимо восстановить механизмы, в первую очередь локомобиль мощностью 75 лошадиных сил. Разговоров и решений по этому поводу было много, но ремонт двигателя все же не начат. В феврале бюро райкома партии обязало механический завод помочь восстановить локомобиль, но решение райкома пока не выполняется.

Отсутствие сушильных сараев в прошлом году тормозило производство кирпича. Ныне предусмотрено строительство 160 погонных метров сушильных сараев к 1 апреля, но до последнего дня к строительству еще не приступили. Завод оплатил стоимость 300 кубометров лесоматериалов, но не привез ничего. По решению исполкома облсовета старооскольская автотранспортная контора должна была выделить кирпичному заводу 2 автомашины. Однако заведующий конторой тов. Запорожец не спешит с выполнением этого решения, ожидая еще каких то «специальных» указаний. Исполком райсовета пока не вмешался в это дело.

Серьезные опасения внушает ремонт гофманской печи. По заявлению тов. Доровских, печь «подготовлена» к ремонту. В действительности здесь тишь и гладь. Рабочих в ожидании теплых дней отпустили домой.

Плохо обстоит также с завозом топлива. Всего завезено 10 кубометров из 70. Почти ничего не сделано для набора рабочей силы.

Старооскольский кирпичный завод в большом долгу перед государством. За три года он ни разу не выполнил плана. Несмотря на это, завод и в этом году плохо готовится к производству.

А. ВАСИЛЬЕВ.

В соревновании победила Жерновецкая МТС

Одно время Жерновецкая МТС была отстающей. Из-за систематических поломок тракторы больше стояли, чем работали. Сказывалось плохое качество ремонта машин, небрежное техническое обслуживание их. Производительность тракторов была очень низкой.

Но вот на место старого руководителя станции, не справившегося с обязанностями, пришел новый директор тов. Кочергин. Организаторские способности, опыт и знания, приобретенные т. Кочергиным в Красной Армии, пригодились ему на новой работе.

Т. Кочергин начал свою деятельность с организации труда в мастерской. Был введен строгий график и контроль за качеством ремонта. Начали систематически устраиваться производственные совещания, они стали своеобразной школой для ремонтников. Результаты всего этого быстро сказались. Работа велась без суеты, спешки и рывков. Стала расти производительность труда.

Дружная и слаженная работа всего коллектива дала возможность Жерновецкой станции все 33 трактора выпустить из мастерской к концу февраля. Государственная комиссия признала качество ремонта отличным.

Ю. ГОЛУБЯТНИКОВ.
Октябрьский район.

Восстанавливается областной ипподром

Во время оккупации немецкие захватчики полностью уничтожили областной ипподром — место испытания племенных лошадей. Восстановление в области конзавода и конферм в колхозах вызывает необходимость иметь свой ипподром.

Исполком облсовета депутатов трудящихся решил восстановить областной ипподром к 15 августа 1946 года.

В ПОМОЩЬ ЗВЕНЬЕВЫМ И БРИГАДИРАМ

СНЕГОВУЮ ВОДУ СБЕРЕЧЬ ДЛЯ УРОЖАЯ

Значение снегового покрова в сельском хозяйстве ярко выражено в народных поговорках: «Много снега—много хлеба», «Снег глубок—хлеб хорош».

Помимо утепления почвы, снег защищает растения от ранних теплых лучей весеннего солнца, не давая посевам раньше времени начать развиваться.

Если во время морозов снег защищает почву от потери тепла, а озимые—от вымерзания, то, наоборот, при температурах выше 0 градусов он ее охлаждает. Если температура тающей воды равна 0 градусов, то на такой же высоте остается и температура почвы до окончательного удаления снегового покрова. Это охлаждающее действие снегового покрова не только не вредит растениям, но, наоборот, не менее важно для них, чем согревающее действие его зимою.

Весенний период прорастания—самый важный в жизни растений. Внутренние физиологические процессы в это время совершаются напряженнее, чем когда-либо. Поэтому прорастающее растение не должно испытывать недостатка во влаге. Ее-то и дает снег.

В первую половину текущей зимы было мало снегопадов, а сильная оттепель в начале февраля вызвала повсеместное оголение полей от снега.

Последующие обильные снегопады выправили положение в лучшую сторону, и вся Курская область была покрыта сплошным снеговым покровом: в юговосточной и восточной частях области средней высотою до 10 см., в центральной и северозападной частях ее—20—30 см.

Запасы воды в снеге, по измерениям на 10-е марта, колебались от 260 кубических метров на гектар в юговосточных и восточных районах области и до 530 кубометров в западных и северозападных.

Дело теперь за тем, чтобы сберечь снеговые воды.

Простым и распространенным способом задержания снега является насыпка валиков и куч из снега. Валики (снежные гребни) делаются высотой от 30 до 50 см. Располагать валики можно по-разному: либо поперек направления господствующих ветров, либо перпендикулярно один другому; либо в виде полуколец, расположенных поперек склона. Вместо устройства снежных куч и валиков можно провести на полях поперек склонов борозды. Борозды делаются деревянными снегопахами. Наиболее простой снегопах представляет собой тяжелый деревянный трехугольник, состоящий из поставленных на ребро двух широких досок, скрепленных посередине третьей. Нос такого плуга обивается листовым железом, к нему прикрепляется цепь с валиком, и запрягается одна или две лошади.

Одной из эффективных мер, влияющих на неравномерное таяние снега, является посыпка поверхности снега полосами поперек ската каким-нибудь порошкообразным веществом темного цвета, например: золой, сухой порошкообразной землей (пылью) и т. п. На посыпанных местах снег тает скорее, отчего там образуются проталины, способствующие впитыванию в почву снеговой воды.

Посыпку поверхности снега порошкообразными веществами нельзя рекомендовать на полях, занятых растениями, чувствительными к заморозкам (озимь, клевер и т. п.), так как эти растения могут раньше тронуться в рост и пострадать от заморозков.

Можно также уплотнять снег полосами поперек ската, прикатывая его тяжелыми деревянными катками. На уплотненных местах снег будет таять медленнее, чем в промежутках между ними, что способствует более сильному впитыванию снеговой воды в почву.

К прикатыванию снега надо подходить с известной осторожностью, имея в виду, что под плотной коркой уплотненного снега растения могут весной подвергнуться выпреванию.

Меры борьбы с вредным действием ледяных корок должны быть направлены прежде всего к спуску излишней воды во время оттепелей. Разрушать корку при морозах не следует. В начале весны, когда почва на глубине кущения достигнет температуры плюс 1 градус, корку необходимо разбить и спустить стоячую воду.

Для разрушения ледяной корки обычно пользуются тяжелыми катками. Для более быстрого таяния корки рекомендуется посыпать ее порошком сухой земли, сухим размельченным торфом или угольным порошком.

Сбережение снеговых вод для урожая—неотложная задача дня. Звенья, бригады, колхозы должны стать застрельщиками этого важнейшего агротехнического мероприятия, повышающего урожайность наших полей.

Н. АНТИМОНОВ,
начальник Курской гидрометстанции.

В. ОВЕЧКИН

С фронтовым приветом*)

(Отрывок из повести)

Петренко что-то хотел спросить у Спивака, но тот не слушал товарища, продолжал говорить, возбуждаясь собственным рассказом:

— Трудно было, Микола, жить людям при немцах... Сорок две души девчат и хлопцев из нашего колхоза угнали немцы в Германию. Боюсь даже и рассказывать тебе, кого именно. Почти всех твоих звеньевых. Опытницу твою, Марину Колодяжную.

— И Марину?.. А Настя ничего не пишет.

— Ну, Настя, может быть, из ревности не пишет. Она же всегда подозревала, что у вас там с нею что-то было. Нашим бабам же, знаешь, все мерещится неподобное: в бригаду парторг пошел, значит, до девчат; агроном с опытницей часто ходят вместе—что-то неладное... Марину угнали да Надьку Бабичеву, Ольгу Зикун, Наташку Куренченко. У Ивана Шалыги двоих увезли, сына и дочку. Кое-кто получал письма от своих, когда были еще в оккупации.

Из нашего района все в одном месте—в Кельне, на заводах... От одной разлуки с родными готовы были девчата сами себя увечить, лишь бы не посадили их в эшелон да не увезли в Германию. Да и делали это. Руки себе обваривали кипятком, ноги чем-то травили. Немцы, говорят, особенно присматривались на медкомиссии, чтоб тело было чистое, боялись заразу завезти в Германию... Ну, пороли колхозников, это уж я говорил. Комендант порол, надсмотрщик приезжал на мотоцикле, бил людей на стеги. Да что порка! Какой-нибудь Горбач или Юхно могли походя, как собаку, застрелить человека, и ничего бы им не было,—«за саботаж», и все! В колхозе «Рассвет» повесили бригадира Зинченко, участника Всесоюзной выставки, и медаль прикололи ему к рубахе. Неделю висел с медалью... В районе вешали, на площади перед кинотеатром... Трудно было жить людям, да. Это надо учитывать.

Пасечник наш, дед Охрим,—две дочки у него комсомолки, сын лейтенант-танкист, когда немцы пришли, знаешь, что со страху отколол? Свинью в комендатуру пожертвовал. Теперь ему за ту свинью проходу не дают: «Немецкий пособник». Он мне признавался по чистой совести: «Что ж, говорит, Павло Григорьевич, за детей боялся. Видимая смерть страшна. В район, как пойдешь, так и видишь: возле кино уже новые висят. А у меня ж дочки—комсомолки, всем же известно, как они Гитлера критиковали да плакаты писали в клубе против немцев. Зарезал свинью поросную, отвез. Так-таки и отдал им, вроде взятки. Отдал, да и думаю: ну, я сегодня отдал сам, добровольно, а завтра же все равно они сами заберут у всех колхозников и свиней, и коров. Какая разница?» — «Разница, — говорю ему,—Охрим Игнатьевич, конечно, есть. Разница в том, что поклонился ты врагам, а другие и под автоматом, и перед виселицей не кланялись, гордость свою не теряли. Ну, я бы все-таки, говорю, тебя за это строго не наказывал. Наложил бы на тебя трудовое покаяние. Осталось на пасеке двенадцать ульев, спас — хорошо. Давай так работать, чтобы года в три-четыре опять стала у нас пасека ульев триста, как до войны, чтоб мед тоннами качать, чтоб опять у нас все цвело, росло, радовалось и чтоб забыть нам об этих немцах на веки вечные, будь они трижды прокляты!.. Большой этот вопрос, Микола, разобраться в каждом человеке, как он вел себя при немцах, — продолжал Спивак. — А разобраться надо обязательно. И я бы с этого и начал, если бы послали меня сейчас на работу в какой-нибудь освобожденный колхоз. Ведь был там у нас и управляющий общиной, были и бригадиры. Были такие, что охотно становились на должность, а некоторых люди выбирали. Знаешь, кто у нас был бригадиром на огороде при немцах? Мирон Маковец, этот старик, что всегда так толково на собраниях выступал, инспектором по качеству работал когда-то. Вот, его выбрали сами же колхозники. Не хотел, отказывался долго, уговорили. «Не тебе, Мирон Фомич, так кому-то другому надо становиться все равно. Ничего, говорят, мы на тебя надеемся. Ты нас не обидишь и мы тебя не подведем. Ну, работал, конечно, подневольно. Если чего-нибудь в срок не сделал — штраф тысяча рублей, как с ответственного лица за бригаду. Приказы выполнял. Но над людьми не издевался. Ни побоев, ни ругани—ничего этого не было. Так же, как и в колхозе, подбирал каждому посильную работу, освобождал больных, для кормящих грудью выделял участки поближе к дому. Хотя из подпольщиков он ни с кем связан не был, никто его не знал и не подсказывал ему, что надо делать, и сейчас лишним старик не хвастает, но действовал, прямо как подпольщик. Листовки советские у него в бригаде читали открыто, помощь красноармейским семьям оказывали сами от себя, из общей кучи. Закваснли немцам на поставку двадцать бочек капусты — вся погнила, чего-то подмешали. Перед самым немецким отступлением спасли шесть пар волов: загнали их в клуню, завалили старой соломой с дверей и через крышу лазали к ним ночью, кормили их там. Сейчас в огородной бригаде тягло, как ни в одной. Вот и суди о нем. Формально подойти—работал в «общине» бригадиром. Тоже пособник? Но как работал? Надо же людей спросить. Вот управляющий «общиной». Тимоха Козинский...

— Козинский был управляющим? Тимофей Маркович? Животновод наш?

— Козинский. Он самый. Вот этот — скотина оказался. На степь когда выезжал, то обязательно брал с собою полицая, а то и двух. Только с конвоем ездил. Этот служил не за страх, а за совесть. Мы, дураки, даже не поинтересовались выяснить в Андрюковском совхозе, что он за тип и почему ушел оттуда. Ну, при немцах показал себя. Из кожи лез, день и ночь заставлял людей работать. Раз как-то молотили ночью конным приводом. Он поднял больного хлопца Мотьки Переяславовой, — ты его, вероятно, помнишь, никольник, в первый класс ходил, — заставил его лошадей погонять. Тот ходил, ходил, хныкал, гнулся, — малярия его била,—да сел на привод, стал сидя погонять, его за кожушок и прихватило шестернями. Пока остановили лошадей, так его три раза вокруг привода обкрутило, все жилы из него вытянуло.

— Где он сейчас, Козинский? —спросил Петренко.

— Посадили. В Стелановке захватили их всех: и Юхна и Павла Горбача.

— Так, вот, Микола Ильич,— продолжал Спивак,—будь я сейчас председателем колхоза, я бы так рассуждал: мои люди, мне с ними и работать. Сам бы проверил. На общем собрании спросил бы о каждом человеке. Мы же не были в то время дома, не знаем, не видали. А народ очень люто настроен против предателей. На собрании спросить — никого не утаят. Брат брату не спустит. Если, конечно, действительно оказался — немецкий прихвостень. Но не дал бы я никому и старые счеты сводить под шумок. А сколько там сейчас всяких дрязг выливается. Что может быть тяжелее обвинения—немецкий прислужник? Сам бы проверил. Я своим людям — председатель, голова, отец, мне с ними жить. И ей-богу же, еще веселей пошли бы и посевная, и прополочная, и уборочная... А таких работничков, вроде Прокончука, что приезжал в наш колхоз, я бы просто в шею гнал. Таких представителей посылать сейчас в колхозы по важным кампаниям это же все равно, что лошадиного фельдшера назначить главным хирургом в госпиталь для тяжело раненых...

— Ты, Павло Григорьевич, рассказываешь так, как-будто я был с тобой дома и все подробности знаю, — сказал Петренко.— Какой Прокончук? Когда приезжал? До войны или теперь уже? За что ты его ругаешь?

— Ну какой у нас Прокончук? Один он в районе. Васька Прокончук, председатель райпотребсоюза. Приезжал по подготовке к весеннему севу. Не до войны, вот теперь, после освобождения. Не знаешь этого болтуна? Столько, говорят, напакостил, что хоть лопатой выгребай. Из-за одной сволочи делал выводы обо всех женщинах, кричал на них: «Все вы тут с фрицами путались!..» Насчет себя об'яснил солдаткам: «Меня, говорит, потому забронировали, что я незаменимый работник». А она ему: «А наши что ж—заменимые? Наши другого сорта, похуже? Потому и понапи на фронт?..» Ну, что тебе еще рассказать о нем? Как он трофеи собирал, да хотел с деда Тынка немецкие штаны снять? А деда Тынка ты же знаешь, его только затронь. «Вот, говорит, пашел трохвей—штаны! Может, постолы моя заберешь за трохвей, они из румынского ранца сделаны?» Связался, понимаешь, дурень с дедом из-за тряпки. У человека немцы корову с'ели, хату спалили, одежу всю выгребли, просто нечем ему грешное тело прикрыть, а он его укоряет: «Понравилась, видать, тебе гитлеровская форма? Принепил бы еще орла немецкого на шапку», дед ему: «Сам, говорит, прицени его себе на то место, которым...»

— Хватит, понятно,—махнул рукой Петренко.

— А если понятно, так чего ж ты до подробностей допытываешься?

Где-то в темноте на земле проснулся и подал голос жаворонок. Ему ответил другой невдалеке. Небо было попрежнему черное, и проблеска зари незаметно было еще на востоке, но ранние пташки готовились уже встретить утро. Ни Спивак, ни Петренко даже не пошевелились, чтобы глянуть на часы. Не первую ночь проводили они без сна в степи, давно привыкли определять время по звездам, росе, свежести воздуха, птицам. От пробуждения жаворонков до рассвета оставалось еще часа полтора. По каким же признакам они, жаворонки, узнают приближение утра? Может быть, тоже по звездам? А может быть, они слышат то, чего не слышит ухо человека,—щебетанье птиц где-то там, далеко на востоке, где солнце взошло раньше?..

— Вот так бы я начал, Микола Ильич, если бы вдруг по приказу Наркома Обороны товарища Сталина, перенесло меня отсюда, из этой балочки, в какой-нибудь колхоз. С людей бы начал. Волы и коровы не сами пашут, их человек водит за налыгач. Поднять дух того человека, так он тебе на радостях втрое, вчетверо больше сделает. Верно? Время ведь какое... Ну, наш председатель, Лука Гаврилович, этим вопросам большого значения не придает. «Як пособник, той пособник. Про мене, мое дило—посивна». Спокойный человек. И война на него не повлияла. Как с гуся вода. Да, что тебе, и о нем еще надо рассказывать? Сам знаешь его достаточно. У него именно такой уклон—в коров, в телят, в брички, в сеялки,—во все, что хочешь, кроме человека. Еще когда я с ним работал парторгом, так, бывало, газету не заставишь его прочесть. «А ты, говорит, для чего существуешь? За что трудодни получаешь? Должен прочитать и рассказать мне самое основное». Старый председатель, прекрасный хозяйственник, купить, продать что-нибудь—тут его и десять спекулянтов не обведут, огрех на пахоте за три километра видит, что где посеять, как посеять, чем убрать—зубы на этом проел. Ну—и только. Какие были фермы у нас—ведь всех телят и жеребят знал по имени-отчеству: от какой матки, от какого производителя, даже какого числа родилось и когда поносом переболело. Но про детей—не спрашивай. Пришли как-то к нему пионеры наши проситься, чтоб подвез на машине в район на слет, а он им говорит: «А чего вы ко мне пришли? Вы ж из «Перемоги». У вас своих четыре машины есть. На своих погоняйте». Они говорят: «Да нет, дядя Лука, мы не из «Перемоги», мы из вашего колхоза, из «Большевика». Позвали меня в свидетели. Ох, и поиздевался ж я тогда над ним за тех пацанов! «Пионеров же, говорю, у нас меньше, чем телят, как же ты их не знаешь, Лука? Это же твои будущие стахановцы, трактористы, комбайнеры, бригадиры. Телячий, говорю, уклон у тебя, чортов ты кугут!» Ну, такой он и сейчас. Потолстел даже, брюхо отпустил. Если б был возле него всякую минуту толкач, то, может быть, направил бы ему-таки мозги в нужную сторону, хоть на старости лет. Додумался, понимаешь, жинку полицая Юхно кухаркой в тракторную бригаду назначил. «Ну что ж такого, говорит. Она и до войны кухаркой там пять лет работала. Лучше ее никто из наших женщин не сготовит. Офицерам немецким готовила и то угождала». А Мотька Переяслова, у которой сына загубили они и которую сам Максим Юхно бил не раз палкой, семена на горбу таскает на стень, в ту же тракторную бригаду. Или вот такой еще факт. Марка Недоступа помнишь, бывшего заведующего мельницей? Сидит у нас сейчас в бухгалтерии. При немцах, рассказывают люди, открывал кожевенный завод на паях с Юхно, паемных рабочих держал, пленных красноармейцев, по договоренности с комендантом, не знаю уж за какие блага, использовал у себя на домашних работах, дом новый за время оккупации построил—жил, не тужил. Видимо, чего-то урвал для начала при смене властей. Менял все барахло в Полтаве на муку. Мебели, ковров полный дом, говорят, натаскал. И сейчас—помощником бухгалтера в колхозе работает. И Лука Гаврилович даже не прислушивается, что люди о нем говорят. А люди говорят: «Противно заходить в правление, когда там эта сытая рожа. Недоступ, сидит. На чем пажился? На нашем горе». Он теперь оправдывается, Марко: «Я, говорит, пленных от издевательства спасал». А соседи рассказывают, чем он их кормил: баландой из буряков, без хлеба. Не лучше, как и в лагерях. Оно, видишь ли, так: если этим вопросом не заниматься, то обязательно будут ошибки в обе стороны: на кого-то напраслину возведут, а какой-то гад сбережет шкуру и опять станет под советский цвет подкрашиваться. А вопрос сам по себе тяжелый. Телят, жеребят считать, конечно, легче. Вот это мне и не нравится в Луке. Вернулся человек в свой колхоз,—после того, как там немцы побывали, после всех ужасов, что пережил народ,—и продолжает работать так, как-будто ничего особенного тут и не случилось, будто на десять минут из конторы в уборную выходил... Да что за чорт, озяб я так, Микола!—передернул плечами Спивак.—До костей пробирает. Снег выпал, что ли, где-то?—Он полез рукой под плащ за спину,—нащупал там фляту, перетянул ее по ремню наперед, поболтал.—Погреемся?

Петренко равнодушно отнесся к бульканью жидкости во фляге товарища. Он перед боем не пил никогда.

— Не хочу. Пей сам.

— Ну, добре, после выпьем. На зорьке будет еще холоднее.

Спивак подержал с минуту фляту в руке, потом все-таки отвернул пробку-стаканчик, наполнил его и выпил.

— Кхм!.. Никогда, говорят, не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня...

(Окончание следует).

*) Продолжение. Начало см. в «Курской правде», за 24 марта).